

Глава 21. Это не простуда, не волнуйся

От весенних ливней Хуньхэ вздулась и неистово бурлила.

Первый настоящий дождь с начала года шел сутки напролет. Он не только напоил плакучие ивы, что уже подернулись нежной зеленью и всюю тянули к воде молодые ветви, но и до блеска отмыл городские стены — каменные плитки сияли под небесными потоками, точно зеркала.

Привалившись к одной из таких сияющих стен, Ци Цзю по привычке затеял спор с Системой.

«Мне нехорошо, — рассуждал он, оценивая свое состояние. — Кажется, я простудился».

«Это не простуда, можешь не волноваться, — отозвалась Система, только что получив базовые настройки мира. — Ты просто умираешь».

Ци Цзю: «...»

Впрочем, Система и не думала унывать.

«Есть и хорошие новости, — подбодрила она его. — В этот раз ты на редкость живуч. Сценарий гласит: убить тебя проще простого, но ты мастерски умеешь цепляться за жизнь».

Тело, в котором очутился Ци Цзю, не страдало от простуды или ран. Его кости с самого рождения пропитал смертоносный яд — «наследие» материнской утробы.

Когда-то он был Тайцзы (наследным принцем) государства Цишэн. К несчастью, покойная императрица и тот, кто ныне восседал на драконьем престоле, были не супругами, а заклятыми врагами. Непримируемая ненависть отца к матери превратилась в отраву, которую невозможно было исторгнуть: девять месяцев плод в чреве впитывал ядовитое вино, пока токсины не въелись в самую суть его существа.

«Тебе нужен отдых, давай вернемся в поместье, — Система вывела перед ним тающую полоску выносливости. — Пока идем, я введу тебя в курс дела».

Это был мир романа о «властных евнухах». Времена, когда при дворе заправляла клика кастратов, а государственные дела решались в тени внутренних покоев.

Главным героем здесь был Юй Юньлян. Безродный сирота, чья жизнь не стоила и ломаного гроша, он начинал как умирающий маленький евнух, но шаг за шагом прокладывал себе путь наверх, пока не возглавил Дунчан и не стал всесильным Чжанъинь Дугуном (Директором-распорядителем с печатью), в чьих руках сосредоточилась судьба империи.

Дорога к вершине внутри величественных дворцовых стен никогда не была легкой. Юй Юньлян встречал многих: покровителей и врагов, друзей и предателей. Ненавистников на его пути всегда было в избытке, а вот тех, кому можно было довериться, — единицы.

Ци Цзю притомился. Найдя под раскидистой ивой большой плоский камень, он присел отдохнуть и машинально принялся обрывать листву.

«А я какую роль играю?»

«И ту, и другую, и ни одну из них, — продолжала вещать Система. — Судя по описанию, ты его... гун-мерзавец?!»

Ци Цзю замер: «Что?»

Система: «?!»

Они только что сдали память о предыдущем мире в архив, но даже после этого основные понятия не могли выветриться из головы. В прошлый раз в главном управлении случился какой-то сбой, и Ци Цзю, который должен был быть простым «курьером» с полезными бонусами, забросили в тело злодея.

Ци Цзю прибыл сюда, чтобы вручить главному герою его «золотой палец». В подобных мирах с древним антуражем лучше всего подходила роль отца, учителя или, на худой конец, соратника. Но какой здравомыслящий сценарист заставит умирающего подонка раздавать дары?

«Продержись три дня, а я пока свяжусь с центром, — распорядилась Система. — А теперь слушай: в этом мире ты Шэнь Гэ, Фэй тайцзы (свергнутый наследный принц) Цишэн».

Шэнь Гэ, второе имя — Дунъю.

Еще два года назад он считался законным наследником престола. Казалось бы, между блистательным принцем и ничтожным евнухом — пропасть, которую не преодолеть и за вечность. Но если к титулу принца добавить слово «свергнутый», расклад сил менялся коренным образом.

Шэнь Гэ был сыном первой императрицы. Его мать происходила из знатного рода, и, правду сказать, нынешний император сумел вырвать трон в междоусобной борьбе лишь благодаря поддержке её семьи.

К несчастью, государь оказался человеком мелочным и злопамятным. Он не забыл «унижений», которые терпел, будучи захудалым принцем, и, взойдя на престол, обрушил на благодетелей всю мощь своего гнева.

Беременную императрицу сослали в Холодный дворец, куда каждые несколько дней присылали то утку, приправленную мышьяком, то кубок с ядовитым вином. Её род был обвинен в измене и приговорен к истреблению до девятого колена.

Несчастливая женщина мучилась девять месяцев, медленно умирая от яда и отчаяния. В ночь родов она скончалась, оставив после себя лишь едва дышащего младенца. Токсины пропитали её тело насквозь, и ребенок не мог выйти невредимым из этого чрева. Шэнь Гэ с первого вздоха был обречен: смертельная немота сковала его члены, а кровь была отравлена.

«Тебя провозгласили наследником лишь потому, что в Цишэн этот титул по праву рождения принадлежит старшему сыну императрицы, — пояснила Система. — Нынешний император сам не был ни старшим, ни законным наследником, поэтому он особенно дорожил формальностями, чтобы узаконить свою власть».

Назначая Шэнь Гэ преемником, император не принимал его всерьез. Никто не верил, что младенец, пропитанный ядом, протянет долго. Однако Шэнь Гэ оказался упрям. Он дожил до совершеннолетия и, вопреки ожиданиям, всё еще не собирался на тот свет.

Два года назад новая императрица родила сына, и пришло время освободить место. Шэнь Гэ обвинили в «неподобающем поведении» и «неспособности отличить добро от зла», после чего указом императора он был лишен титула.

«Если взглянуть с другой стороны, указ не так уж лгал».

Система зачитала описание персонажа: «Твое поведение и впрямь эксцентрично, ты не признаешь морали. Твои поступки абсурдны и дерзки, ты жесток, коварен и ценишь чужую жизнь не дороже придорожной пыли...»

Ци Цзю давно работал с мирами, но не подозревал, что у Бюро найдется столь богатый запас эпитетов: «А хоть какие-то маленькие плюсы у меня есть?»

«Есть, — подтвердила Система. — Ты везунчик».

Ци Цзю хмыкнул: «И то хлеб».

Система не шутила. Она развернула перед ним канву сюжета: «Серьезно».

Для второстепенного персонажа, лишённого благословения небес, Шэнь Гэ и впрямь был чертовски удачлив. Получить титул при рождении — удача. Не сдохнуть от яда и дотянуть до двадцати лет, пусть и в вечной немоте — тоже удача. А когда его вышвырнули из Восточного дворца в ветхое поместье на окраине города, под надзор стражи... он по воле случая встретил Юй Юньяна.

Тот был лишь презираемым евнухом, но именно он являлся главным героем этой книги. А главный герой всегда несет на себе печать судьбы. В семнадцать лет Юй Юньляна заметил Сылицзянь Чжанъинь Тайцзянь (Евнух-распорядитель с печатью Директората церемоний) и взял его в названные сыновья. С этого момента началось его восхождение к облакам.

В момент их встречи Юй Юньляну было как раз семнадцать, и он всего три дня как числился под крылом своего нового «отца».

«И ты об этом знаешь», — добавила Система.

Лишь сам Шэнь Гэ понимал, что его вмешательство и помощь юноше не были случайностью.

«У тебя полно соглядатаев во дворце. Все эти годы ты прикидывался добросердечным господином, подкупая слуг и евнухов. Ты знал, что император рано или поздно избавится от тебя... — Система перевернула страницу. — И ты не желал покорно принимать судьбу изгнанника».

Шэнь Гэ не хотел прозябать в неизвестности. Его тело было слабым, но амбиции не уместались в стенах старого поместья. Он знал, что Юй Юньлян — новый любимец главы Директората церемоний. А в этой династии евнухи с печатью обладали колоссальной властью: они стояли во главе управления, вмешивались в государственные дела и могли соперничать даже с Нэйгэ Шоуфу (Главным секретарем Кабинета).

Встреча с Юй Юньляном была случайна, как и сцена его унижения... но решение спасти его было холодным расчетом. Шэнь Гэ никогда не делал ничего по доброте душевной. Всё в его руках превращалось в разменную монету, все окружающие должны были служить его целям.

Юй Юньлян не стал исключением.

Шэнь Гэ переступил через свою брезгливость, отбросил спесь и снизошел до того, чтобы обхаживать евнуха. Пользуясь тем, что тот еще не оперился, он заманил юношу в свое поместье и сделал «своим» человеком.

И тут Шэнь Гэ обнаружил чудесную деталь: маленький евнух оказался нем. Поговаривали, что в детстве он перенес сильное потрясение и горячку, после чего забыл, как говорить. При этом слух и разум его оставались острыми.

Идеальный инструмент.

Шэнь Гэ даже подозревал, что глава Директората выбрал Юй Юньляна именно за это качество. Кто может быть надежнее немого раба?

Шэнь Гэ наставлял его, лично обучал искусству лести и тому, как выживать и возвышаться в

дворцовых лабиринтах. Проведя двадцать лет при дворе, он досконально изучил человеческую алчность и страх.

Вскоре Юй Юньлян стал фаворитом в Директорате, любимым сыном Нэйсяна. За три года он взлетел до позиции Суйтан Тайцзяня (присутствующего евнуха), допущенного к утверждению указов.

С этого момента он превратился в самый острый клинок в руках Шэнь Гэ. По его приказу Юй Юньлян фабриковал улики против министров, устранял конкурентов и проливал кровь. Шэнь Гэ указывал цель — Юй Юньлян наносил удар.

Этот клинок был так удобен, что его даже жаль было выбрасывать. Ведь среди слуг Шэнь Гэ редко попадались столь проникательные люди: немому не нужно было ничего объяснять, он понимал всё с полуслова. В итоге Юй Юньлян был по локоть в крови, а руки Шэнь Гэ оставались безупречно чистыми.

Но как бы ни был хорош инструмент, когда он становится бесполезен или опасен — его выбрасывают.

Пять лет Шэнь Гэ использовал Юй Юньляна как цепного пса, пока наконец не накопил достаточно сил. Юй Юньлян же, по его указке, несколько лет по капле подмешивал императору яд. Час расплаты настал.

Ни одно злодеяние не проходит бесследно. Покушение на императора невозможно скрыть навсегда. Когда правда начала всплывать, дворец содрогнулся от ярости. Потребовали расплаты.

Юй Юньляна схватили, связали и бросили на холодные плиты, приставив к горлу сталь. Шэнь Гэ, обладавший теперь огромным влиянием и оставшийся единственным взрослым принцем, был призван к императору. Некогда всесильный монарх лежал на ложе, не в силах пошевелиться; лицо его посинело, а из горла вырывался хрип.

Утешив умирающего отца, Шэнь Гэ подошел к Юй Юньляну.

Он спросил: «Это ты его отравил?»

Юй Юньлян оставался идеальным оружием до конца. Он лишь низко склонил голову, глядя на безупречно белые мраморные ступени.

Шэнь Гэ остался доволен и небрежно бросил:

— Выволочь его прочь. Смерть от тысячи порезов... Пусть это станет молитвой о здравии моего отца.

Императору молитвы были уже ни к чему. Ему оставалось жить от силы час. Но пока он дышал, указ о престолонаследии не мог попасть в руки Шэнь Гэ. Тот вернулся к ложу, изображая сыновнюю почтительность.

Император вперил взгляд в немого евнуха, желая лично увидеть, как того будут кромсать на куски. После мимолетного колебания Шэнь Гэ сам взял кинжал и шагнул к Юй Юньляну.

Он не медлил. Он нанес семнадцать ударов... Кровь залила мрамор, а Юй Юньлян содрогался в его руках.

— Скоро всё кончится, — прошептал Шэнь Гэ, в ком наконец проснулось некое подобие жалости. — Я прикончу тебя одним ударом, потерпи еще немного...

Он отвлекся на секунду и не заметил, как всё изменилось.

В следующий миг Шэнь Гэ уже лежал на полу, прижатый чужим весом. Окровавленный Юй Юньлян вырвался из пут, перехватил кинжал и приставил острие к его ребрам. На ложе император замер с остекленевшим взглядом — он испустил дух уже давно.

— Шэнь Гэ, — медленно произнес Юй Юньлян. Голос его был хриплым, но каждое слово звучало отчетливо.

Шэнь Гэ даже не подозревал, что тот умеет говорить. Не знал, когда к нему вернулся голос. Юй Юньлян надавил кинжалом, словно хотел вскрыть грудную клетку и рассмотреть содержимое:

— Какого цвета твое сердце?

...

Так закончился последний в истории династии дворцовый переворот. На трон возвели младенца, который еще не отнялся от груди, — послушную марионетку в чужих руках. Юй Юньлян стал главой Дунчана, а вскоре занял пост Сылицзянь Чжаньинь Тайцзяня (Евнуха-распорядителя с печатью Директората церемоний).

Своего «отца», которому был обязан всем, он оставил гнить без погребения. Что же до Шэнь Гэ... он не умер. Он продолжал влачить жалкое существование.

Юй Юньлян не позволял ему уйти. Каждые несколько дней к нему приходили лекари, пускали кровь, чистили кости от яда, поддерживая искру жизни в теле с помощью драгоценных снадобий. Каждое утро Юй Юньлян навещал его и наносил новый порез, изучая, какого цвета его кровь.

Правда ли, что если яд пропитал кости, то сердце и помыслы тоже станут ядовитыми? Было ли это причиной всего содеянного?

Юй Юньлян сидел рядом, глядя, как Шэнь Гэ корчится от боли и токсинов, и глаза его оставались ледяными. Холодными, как у идеально отточенного клинка.

— Держи, — Юй Юньлян достал из-за пазухи свиток и положил перед ним. — То, чего ты так жаждал.

Шэнь Гэ, чей коварный разум строил козни двадцать пять лет, наконец дошел до черты. Каждая жила в его теле горела огнем, из всех пор сочилась кровь. Увидев ярко-желтый шелк, он сразу понял, что это.

Императорская печать.

Шэнь Гэ с трудом протянул руку, вцепился в ткань и подтянул её к себе. Глядя на печать, он в забытии грезил о восхождении на трон и многотысячной толпе, склонившейся перед ним. С этим видением он и испустил дух.

Юй Юньлян попытался закрыть ему глаза, но те, полные алчности и жажды власти, не желали смыкаться. Он бросил это занятие и позвал слуг. Шэнь Гэ похоронили вместе с печатью, а Юй Юньлян правил империей еще пять лет.

Однажды утром он оступился и упал в воды Хуньхэ. На том его история и закончилась.

«В этот раз задача не из трудных, — рассуждал Ци Цзю с Системой. — Мы вошли в сюжет очень вовремя».

Шэнь Гэ, этот свергнутый принц, и впрямь был неисправимым негодяем. До самого конца он не ведал раскаяния, грезя лишь о власти. Если бы они попали в тот день, когда Юй Юньлян принес ему печать, миссия была бы почти невыполнима.

Но сейчас Шэнь Гэ едва исполнилось двадцать, а Юй Юньляну — семнадцать, и он только-только попал в Директорат церемоний.

Они неспешно шли по набережной, возвращаясь в поместье после дождя. Всё шло строго по сценарию. Стоило им свернуть за угол, как у моста Удин они должны были наткнуться на сцену издевательства над Юй Юньляном.

Его окружила толпа столичных бездельников. Эти напыщенные сынки богатых семей и не

подозревали, кто перед ними, приняв юношу за обычного слугу из конюшен или швейных мастерских, которого послали в город по поручению. Юй Юньлян всего три дня как числился в Директорате, его имя еще не внесли в списки, и он не смел поднимать шум.

Ему требовалось спасение.

У Ци Цзю не было под рукой ничего подходящего, поэтому он сорвал ивовый прут, пару раз взмахнул им, проверяя гибкость, и медленно направился к мосту: «Есть еще какие-то детали?»

Система перелистнула страницу: «...»

«Что-то не так?»

«Пришло экстренное уведомление, — отозвалась Система. — В названии нашей книги не хватало двух слов».

Ци Цзю не особо вникал в название. Их роль заключалась лишь в том, чтобы направить героя и вернуть его на предначертанный путь.

«Это серьезно?» — уточнил он.

Система лихорадочно анализировала данные.

Тем временем Ци Цзю уже подошел к мосту и увидел прижатого к перилам Юй Юньляна. Юный евнух, облаченный в черное, казался воплощением холода; на мертвенно-бледном лице ярким пятном выделялись лишь глаза — темные, бездонные, вперившиеся в фигуру Ци Цзю.

Ци Цзю размял кисть и ступил на мост: «Так что за слова? Сейчас допишем».

Система замолчала на мгновение, прежде чем ответить: «Возрождение».

<http://bllate.org/book/16113/1590177>